

УДК 341.01

**США ПРОТИВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА:
ДОМИНИРУЮЩИЙ ПРАВООБРАЗУЮЩИЙ ИНТЕРЕС
В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

© 2017 г.

И.В. Будцын

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

budig@mail.ru

Поступила в редакцию 01.03.2017

Рассматривается влияние интересов бизнеса на формирование внешнеполитической стратегии («национальных интересов») США и её реализацию в контексте развития международного права в первой половине XX в. Утверждается, что с образованием финансовой олигархии американская администрация утратила самостоятельность в выработке стратегического курса внешней политики, подчинив свою деятельность интересам финансово-промышленной элиты. Анализируется процесс трансформации норм международного права сквозь призму «доминирующего правообразующего интереса» на фоне развития экономических противоречий между США и Великобританией.

Ключевые слова: финансовая олигархия, доминирующий правообразующий интерес, источник права, история международного права, новый мировой порядок.

Современная правовая доктрина делит источники права на «идеологические», «формальные» и «материальные», рассматривая последние как совокупность реальных отношений в обществе. Однако доктринальное признание тройкой природы источников права в реальной практике так и остается лишь доктринальным. Это касается практически всех отраслей права, в том числе и международного. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. общепризнанными источниками международного права являются договор и обычай [1, с. 253–276; 2, с. 22–23]. При этом подчеркивается «всё возрастающее значение договоров как источника международного права» [1, с. 253]. Данная ситуация, на наш взгляд, сложилась благодаря существующему до сих пор отождествлению понятий «источник» и «форма» права, которое является следствием продолжающегося господствовать в отечественной юридической теории нормативного правопонимания.

Исключение, пожалуй, составляет социология права, в рамках которой разрабатывается понятие «социальной обусловленности права», понимаемой как «его (права. – *И.Б.*) соответствия объективным потребностям общественного развития» [3, с. 164]. Однако это общее положение нуждается в механизмах воплощения его в практике эмпирических правовых исследований. Для этого необходимы теории среднего уровня. Одной из таких теорий является разрабатываемая В.В. Лапаевой теория *правообразующего интереса*¹. Одним из логических следствий этой теории может стать укрепление по-

зиций точки зрения о необходимости разведения понятий «источник» и «форма» права, которая не нашла пока признания большинства. Вследствие этого довольно часто за рамками научного анализа остаются многие *действительные источники* международного права.

Под термином «источник» здесь понимается «всякое начало или основание, корень и причина, исход, исходная точка» [4]. В этом определении подчеркивается содержательная сторона, которая собственно и составляет основной смысл права. Рассматривая содержание международного права, доктрина различает его «юридическое» (нормы) и «социальное» проявление. Последнее обычно понимается как *общая воля субъектов*, сформированная путем *согласования*.

На наш взгляд, к понятию «согласованная воля» следует относиться весьма осторожно. Государства, которые рассматриваются в качестве основных и первичных субъектов международного права, конечно же, должны иметь формальное равенство на международной арене. Этот принцип был теоретически обоснован еще Г. Гроцием в начале XVII в. Однако понятно, что даже члены ООН, а это более 190 государств, не могут похвастаться *фактическим равенством* при решении многих международных проблем. В международных делах каждое государство отстаивает прежде всего свои собственные *«национальные интересы»*. Именно они определяют позицию любого субъекта международного права в ходе выработки новой нормы или создания новой структуры. Будучи формально равными, эти интересы фактически,

в рамках дискуссий вокруг той или иной международно-правовой нормы, разделены на две (иногда три) категории. Назовём их «доминирующие интересы» и «сопутствующие интересы». В качестве третьей категории выделим «потенциальные интересы», которые формально есть у некоторых субъектов, но их, как правило, не берут в расчёт. Основным методом формирования международно-правовой нормы при таком раскладе будет *борьба* между доминирующими интересами, или *навязывание* одного доминирующего интереса, читай – *воли доминирующего субъекта*, другим субъектам международного права.

В последнее время даже в рамках деятельности ООН это проявляется особенно ярко. Что говорить о времени, когда ООН просто не существовала, но международное право и система международных отношений, тем не менее, развивались. Достаточно вспомнить события, связанные с окончанием Первой мировой войны и формированием послевоенного устройства. У кого повернется язык сказать, что Версальский договор, как и все договоры с бывшими союзниками Германии в Первой мировой войне, лежащие в основании международного правопорядка 20–30-х гг. XX в., были результатом *согласования* воли всех субъектов, подписавших его. Так откуда же берутся нормы международного права, что является их источником, в смысле «причиной», «основанием», «корнем» их появления? Иными словами, каков *доминирующий правообразующий интерес*?

Рассмотрим этот вопрос на примере формирования в течение первой половины XX в. двух принципов: «открытых дверей» и «свободы морей» («свободы открытого моря» в современной трактовке), закреплённых в международном праве в ходе Второй мировой войны. Прежде всего следует остановиться на вопросе о том, откуда берётся сам т.н. *национальный интерес*, который становится *доминирующим* в рамках процедур международного правотворчества и выступает в качестве *правообразующего интереса* в международном праве. В качестве отправной точки сошлёмся на известное положение о том, что внешняя политика государств – это лишь продолжение внутренней политики иными средствами. Именно в системе внутригосударственных отношений формируются «национальные интересы», которые потом транслируются в отношениях международных и в системе международного права.

С завершением в последней трети XIX в. промышленного переворота сформировалась финансовая олигархия. С тех пор бизнес и власть выступают сторонами этого «двуликого

Януса». Ключевым является вопрос: кто в тандеме ведущий, а кто ведомый? Он тем более важен потому, что объективные цели в двух этих сферах разные. Цель бизнеса ясна – получение прибыли. Официальная цель политики, проводимой властью, – поддержание социально-политической стабильности в интересах общественного прогресса. Однако соединение двух субъектов в монстре финансовой олигархии предполагает как иерархию самих субъектов, так и иерархию целей. При этом если политика в лице конкретных представителей власти встаёт на службу бизнесу, то и цель бизнеса оказывается доминирующей в отношении цели политики. В конъюнктуре возможна смена ролей, но в стратегии связь очевидная и жёсткая. Таким образом, власть как субъект политики может стать объектом управления со стороны бизнеса. Эта связь присутствует в сфере как внутригосударственных, так и международных отношений, где основная борьба в первой половине XX в. велась за передел экономических рынков посредством изменения международного права.

1 января 1942 года в Вашингтоне представители двадцати шести государств подписали общий документ, известный как Декларация Объединённых Наций. Декларация формально создала Антигитлеровскую коалицию, одержавшую победу во Второй мировой войне. 26 июня 1945 года в Сан-Франциско эти же страны стали Первоначальными Членами Организации Объединённых Наций, подписав ее Устав вместе со Статутом Международного суда. Так возникла самая авторитетная на сегодняшний день международная организация по обеспечению мира и безопасности на планете, символизирующая собой *новый мировой порядок*. Государства, подписавшие Устав ООН, были «преисполнены решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны... утвердить веру в основные права человека... в равенство прав больших и малых наций... в общих интересах и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов» [5, с. 539].

Почему же, как показывает практически вся более чем семидесятилетняя история ООН и Международного Суда, эти благородные цели и согласованные средства их достижения постоянно дают сбой? Что мешает?

Первые сорок пять лет работы ООН, наверное, это могло бы быть реальное противостояние на международной арене двух разных идеологических систем. Так называемый биполярный мир. Сейчас модно говорить о том, что именно СССР с его союзниками по Восточному блоку оказались

противниками подлинной демократизации международных отношений и поэтому нарушали дух и букву международного права, созданного в результате Второй мировой войны.

Однако прошло уже более четверти века, как исчез биполярный мир и, следовательно, препятствие для «демократической» перестройки международных отношений на принципах послевоенного международного права. Конституция Российской Федерации (п. 4, ст. 15) констатирует, что «общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Причем «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Однако воз и ныне там. В чем причина?

Конечно, можно сказать, что два-три десятилетия не такой большой срок, чтобы возникла новая система отношений между народами. Но ведь если смотреть реально, то практически нет даже серьезных подвижек! Наоборот, возникают новые центры силы в Латинской Америке, Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке, которые устами некоторых своих лидеров и конкретными действиями, вплоть до государственного уровня, показывают недовольство существующей ситуацией. Парадокс, на наш взгляд, заключается в том, что претензии адресованы именно «демократическому» мировому правопорядку, который создавался в ходе и сразу после Второй мировой войны и который формально признается всеми членами ООН. Для того чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо понять, что *на самом деле* подразумевали под «демократическим» мировым правопорядком его создатели? Какие *мотивы* ими двигали? Каковы были их *подлинные* национальные интересы?

Итак, создание современного мирового правопорядка началось подписанием Декларации Объединенных Наций 1 января 1942 г. В тексте декларации говорится, что правительства, подписавшие ее, ранее присоединились «к общей программе целей и принципов, воплощенной в общей декларации президента США и премьер-министра Великобритании от 14 августа 1941 г., известной под названием Атлантической хартии» [6, с. 68–69]. Значит, для того чтобы понять основания современного миропорядка, необходимо проанализировать цели и принципы Атлантической хартии. Считается, что в этом документе заложены основы антигитлеровской коалиции, провозглашены принципы, на которых должны были строиться взаимоотношения ее участников в борьбе с агрессорами. Однако в самом тексте

говорится, что президент и премьер решили «обнародовать некоторые общие принципы национальной политики их стран – принципы, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира». Заметим, что собственно о «борьбе» с германской агрессией сказано только одно: «После окончательного уничтожения нацистской тирании». Звучит весьма двусмысленно, особенно если учесть, что в августе 1941 г. Соединенные Штаты оставались единственной великой державой, не участвующей в войне на основании закона «О нейтралитете». Так о каких же принципах они договорились? Если оставить риторику с рассуждениями о «сотрудничестве», «обеспечении для всех более высокого уровня жизни», «о жизни без страха и нужды» и т.п., то на поверхности окажутся всего два пункта, а именно: «доступ на равных основаниях к торговле и мировым сырьевым источникам» (п. 4) и «возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам» (п. 7) [6, с. 66–67].

Президент Ф. Рузвельт был весьма удовлетворен итогами Атлантической встречи, в то время как премьер У. Черчилль жаловался в письме Г. Гопкинсу, что в кабинете министров Его Величества и в компетентных кругах отмечается «уныние... из-за того, что президент сделал многочисленные заверения, но никоим образом не приблизился к решению проблем войны и т.д.» [7, с. 183]. Вместе с тем в своей публичной речи по радио 24 августа 1941 г., посвященной итогам встречи, Черчилль попытался продемонстрировать завидный оптимизм [8, с. 274–288]. Что так расстроило британского премьера? Может быть, то, что *под нажимом* обстоятельств он вынужден был отказаться от долговременных *британских* национальных интересов? Упомянутые пункты Атлантической хартии фактически были не чем иным, как провозглашением двух важнейших международно-правовых принципов: «открытых дверей» и «свободы морей» (свободы открытого моря), на которых настаивали США ещё с конца XIX в.

Международное морское и торговое право XIX в., как известно, было написано под диктовку английского экономического истеблишмента, который, единолично эксплуатируя экономические рынки огромной колониальной империи, зорко следил за тем, чтобы никакой другой «волк не пробрался в их овчарню». В реальной практике это проявлялось в «закрытости» британских колоний, «морской блокаде» и даже в явных морских «разбоях», к которым прибегал английский флот при возникновении угрозы «национальным интересам» империи (читай – интересам *промышленного и торгового финансового капитала*).

К концу XIX в. Британия утрачивает свое экономическое лидерство, уступая его США. В это время наблюдается всплеск американской экономической экспансии по всему миру. Исследователь этого периода Ричард Уотсон отмечает: «Американские заморские инвестиции, которые до 1900 года составляли менее 1 млрд долл., к 1908 году возросли до 2.5 млрд долл. Американская экономика нуждалась в рынках...» [9, с. 95]. Динамичный бизнес Нового Света стремится попасть на колониальные рынки, бросив «вызов британской гегемонии в различных точках по всему миру» [9, с. 95; см. также: 18, 12]. Вступить в открытую борьбу с Британией США не могли. Мешала доктрина Монро, да и достаточного количества военноморского флота ещё не было. Нарастанию его препятствовала британская политика «двойного стандарта» в морских вооружениях².

В этих условиях американская элита, следуя свой «национальный интерес» (*интерес американского бизнеса*), находит другой механизм решения проблемы. Таким механизмом становится «дипломатическая» борьба за «справедливые» принципы международного морского и торгового права: принцип «свободы морей» и принцип «открытых дверей». Первая проба дипломатического пера состоялась в 1899 г. 22 сентября американский посол в Лондоне Чот по поручению госсекретаря США Дж. Хэя направил министру иностранных дел Великобритании лорду Солсбери ноту, в которой предложил проводить в Китае политику «открытых дверей». Как говорилось в документе, такая политика могла бы обеспечить «равную свободу... торговле и мореходству всех наций...». Наиболее интересным в этой ноте является мотив: «Поддержание этой политики составляет настойчивое *требование коммерческих организаций* наших двух народов и справедливо рассматривается ими как единственное средство, способное улучшить существующее положение, позволит им сохранить их положение на китайских рынках и расширить в будущем их операции (выделено мной. – И.Б.)» [10, с. 141]. Китайская карта оказалась тогда более выигрышной ещё и потому, что позволяла США, как говорится, «сделать хорошую мину...». Тот же Р. Уотсон пишет: «Вдобавок к традиционному требованию равных торговых возможностей, Хэй попытался использовать престиж Соединенных Штатов для утверждения принципа территориальной целостности Китая. Так Соединенные Штаты оказались в центре игры политических сил, в которой Великобритания, Россия и Япония играли ведущую роль» [9, с. 96].

Так родилась «доктрина Хэя», пришедшая на смену существовавшей в XIX в. «доктрине

Монро» и предопределившая национальные интересы США в новом столетии. Правда, в то время аппетиты США в установлении новых «справедливых» принципов пока не выходили за рамки Китая. Тем более что Англия отрицательно отнеслась к американскому предложению. Английская торговая гегемония на китайском рынке была очевидна, а так называемые «открытые порты» Китая еще со времен опиумных войн середины XIX в. контролировались британским военным флотом.

Однако время шло, ситуация менялась. К началу Первой мировой войны финансовая олигархия США окончательно сложилась и окрепла до такой степени, что правительственные круги уже не могли состязаться «с силой экономических объединений, потенциально более властных, чем само правительство» [9, с. 169]. Постепенно сформировались организационные структуры. Возникли Американская азиатская ассоциация (American Asiatic Association) и Панамериканское общество (Pan-American Society). Американская ассоциация экспортёров продукции легкой промышленности (The American Manufacturers Export Association) была сформирована в 1910 г., а через два года – Торговая палата Соединённых Штатов (US Chamber of Commerce). В 1914 г. все эти организации, вместе с лидерами промышленности, создали Национальный совет зарубежной торговли (National Foreign Trade Council). Его интересы активно лоббировал министр торговли в администрации Вудро Вильсона Уильям Редфилд (William C. Redfield) [9, с. 170]. За кулисами всех преобразований стояли крупные финансовые корпорации, такие как J.P. Morgan & Co, Higginson & Co, Kidder, Peabody & Co, Kuhn, Loeb & Co.

И вот Британия оказалась одной из основных участниц Первой мировой войны, в результате которой вновь изменилось соотношение экономических и политических сил на мировой арене. Прежде всего следует отметить экономическое превосходство США, которые до апреля 1917 г. не участвовали в войне даже формально, продолжая наращивать свой экономический потенциал и осваивать новые экономические рынки. Во-первых, оно проявлялось в колоссальном увеличении ВВП этой страны при одновременном его сокращении в европейских странах в годы войны, что открывало невероятные возможности для американского бизнеса в послевоенный период. Во-вторых, к концу войны суммарный долг европейских стран США составил 11.6 млрд долларов. При этом 4.7 млрд долл. приходилось на Англию [11, с. 123]. В-третьих, произошло значительное усиление американского влияния в зонах тра-

диционного английского торгового господства: Канаде, Латинской Америке, Китае [12].

В январе 1919 г. начала работу Парижская конференция, основными задачами которой было создание международно-правового механизма предотвращения новой войны и обеспечение условий справедливого равноправного развития народов. Интересно отметить, что юридической основой работы конференции стала декларация принципов, озвученная президентом США Вудро Вильсоном 8 января 1918 г. в его обращении к конгрессу и известная как «14 пунктов Вильсона». Эти пункты подавались президентом в качестве единственной гарантии обеспечения мира и равноправного сотрудничества между народами.

Какова же эта основа? После п. 1, имеющего чисто декларативный характер, мы видим уже знакомые нам принципы «свободы морей» (п. 2) и «открытых дверей» (п. 3). Оказывается, вот что прежде всего может обеспечить мир на земле! А уж только потом – сокращение вооружений (п. 4) [13, с. 108]. Обратим внимание на то, что в «14 пунктах» речь уже идет не о каком-то региональном рынке (рынке Китая) и региональных морских коммуникациях (северной части Тихого океана), как в «доктрине Хэя», а обо *всех* рынках и о *мировом* океане в целом. *Аппетиты растут!*

В ходе работы Парижской конференции между США и Англией обозначились весьма серьезные противоречия, вызванные неуступчивостью последней в вопросах, касающихся её национальных интересов. Позицию Англии поддержали французы. Фактически президент Вильсон потерпел поражение в борьбе за новые принципы международного права. Они не были приняты конференцией и не вошли в Устав Лиги Наций. В результате Конгресс не ратифицировал Версальский договор, а Вильсон на очередных выборах потерял пост президента. США вернулись (временно) к политике «изоляционизма».

В 1920-е годы отношения между США и Англией не потеплели. В условиях экономического кризиса 1920–1921 гг., шантажируя своего европейского «брата» военным долгом, Соединённым Штатам в ходе Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. удалось заставить Англию пойти на уступки в вопросе об «открытии Китая» [10, с. 204–209.]. Кроме того, был подписан договор пяти держав о пропорциях морских вооружений, по которому Британия отказалась от политики «двойного стандарта» в классе линейных кораблей в интересах США. Затем на Лондонской конференции 1930 г. равные для обеих стран пропорции были установлены для всех классов военных судов. Кроме

того, французская авантюра с занятием Рурской области Германии в январе 1923 г. сделала невозможным выполнение старого репарационного плана, выработанного в Версале. Пришлось созывать экстренную конференцию в Лондоне, где практически под американскую диктовку в 1924 г. был принят новый репарационный план Дауэса, допустивший американских банкиров к управлению германскими репарациями и давший Соединённым Штатам практический контроль над германской экономикой. Как писал по этому поводу Ф. Ротштейн, «Америкой руководили не англофильские и не германофильские, а исключительно *долларофильские* – если можно так вульгарно выразиться – *мотивы* (выделено мной. – И.В.)» [14, с. 7]. «Система репараций превратилась, таким образом, в систему овладения германским хозяйством. ... При этом Лига Наций осталась в стороне, и её спасительную роль взяли на себя американские банкиры. От этого проиграла Англия» [14, с. 9]. Кроме того, в течение первого послевоенного десятилетия США продолжали активно проникать на рынки британских колоний и доминионов.

Мировой экономической кризис 1929–1933 гг. вновь изменил соотношение сил конкурирующих сторон. Экономика США оказалась в состоянии самого глубокого падения из всех ведущих мировых держав. По данным американского историка Ричарда Киркендола, «к июлю 1932 г. Доу-Джонс упал до 41 пункта (с 381 в сентябре 1929 г. – И.В.). Около 80% общей стоимости акций было уничтожено. Даже «голубые фишки», акции, на которые всегда можно было положиться, резко упали. Акции American Telephone & Telegraph упали с 304 до 72 пунктов; United States Steel свалились с 262 до 22 пунктов; General Motors с 73 до 8; Montgomery Ward со 138 до 4» [15, с. 7]. В целом реальное сокращение производства составило более 50%. В то же время меньше всех из великих держав пострадала Англия (спад не более 23%). В этих условиях английская дипломатия наносит ответный удар по экономическим интересам американских монополий. В 1930 г. Англия отказывается от «золотого стандарта» фунта, в 1931 г. принимает Вестминстерский статут, предоставивший доминионам и колониям большие политические свободы в рамках Британской империи (Британского Содружества Наций) [16, с. 40–43]. Наконец, в 1932 г. на очередной имперской конференции в Оттаве были созданы «преференциальный» и «стерлинговый» блоки, отрезавшие от рынков империи главных экономических конкурентов английского промышленно-торгового капитала, прежде всего монополии США [17, с. 217].

Понадобилась Вторая мировая война и новый «нейтралитет» США, чтобы заставить

«британского льва» склонить голову перед «дядей Сэмом». Напомним, что к августу 1941 г. только США из всех великих держав продолжали оставаться вне войны. Находясь в состоянии «нейтралитета», осуществляя поставки по «ленд-лизу», они умело использовали ситуацию для реализации «национальных» интересов американских монополий. Может быть, поэтому вернувшись с атлантической встречи, У. Черчилль констатировал уныние в британском кабинете министров и осведомленных кругах по поводу ее итогов?

На начальном этапе войны англичане вполне ощутили железную хватку своих будущих «братьев» по оружию. Так, в ответ на многочисленные просьбы Черчилля предоставить военную помощь Рузвельт 13 августа 1940 г. пишет: «Я надеюсь, Вы понимаете, что такая помощь может быть предоставлена, только если американский народ и конгресс ясно поймут, что в обмен на это будут приняты меры по усилению национальной обороны и безопасности Соединенных Штатов (выделено мной. – И.Б.)». К таким мерам президент отнес предоставление американцам права строить военно-морские и воздушные базы на территории Ньюфаундленда, Бермудских и Багамских островов, Ямайки, Сент-Люсии, Тринидада и Британской Гвианы «с условием, что Соединенные Штаты могут получить земли, необходимые для вышеизложенных целей, путем приобретения их или аренды на 99 лет» [7, с. 130]. Комментарии, как говорится, излишни. Таким образом, у США появилась реальная возможность разыграть традиционную антианглийскую карту своей внешней политики, сформировавшуюся ещё в период войны за независимость. Как ещё в 1943 г. в книге «Американская империя в Азии» писал американский историк и публицист Альберт Вайтон, «во время революционной войны создалась антианглийская традиция, которая оказала глубокое влияние на американскую внешнюю политику вплоть до последнего дня» (цит. по [18, с. 18]). Вторая мировая война позволила США открыто поставить вопрос о своем лидерстве не только в мировой экономике, но и в формировании нового мирового порядка по американскому образцу [19]. С учётом послевоенной экономической гегемонии США и создания Бреттон-Вудской финансовой системы в 1944 г., провозглашение принципов «открытых дверей» и «свободы морей» в качестве норм международного торгового и морского права было выгодно прежде всего крупнейшим представителям американской промышленной и торгово-финансовой элиты.

Подведем итоги. На протяжении пятидесяти лет в конце XIX – начале XX в. между США и Великобританией велась дипломатическая борьба по вопросам формирования новой архитектуры международного права. Право XIX в., охранявшее интересы британского бизнеса, не могло устроить молодого хищника, завершившего техническое перевооружение своей экономики в 1870-е гг. на базе новейших технологий. Американский бизнес получил колоссальное преимущество в торгово-экономическом соперничестве с технологически отсталым английским производством. Однако нормы международного права охраняли торговые интересы Британии. Понадобились две мировые войны для того, чтобы изменить ситуацию в интересах финансовой олигархии США. При этом государство фактически выступало лоббистом интересов американских промышленных корпораций и банков на международной арене, следуя императивам последних в своей дипломатической практике. Уже в Атлантической хартии, а затем в связанных с ней последующих международно-правовых актах американский «национальный интерес», то есть *интерес американских монополий*, окончательно стал *доминирующим правообразующим интересом* и нашел свое формальное воплощение в нормах международного права.

В международном праве начала XXI в. обозначилась новая проблема – развитие права в условиях глобализации [20]. Одним из ее аспектов стало стремление значительной части авторов включить в перечень субъектов международного права крупнейшие бизнес-корпорации (ТНК). Как нам представляется, «правообразующий» интерес последних является далеко не последним в этом процессе. Но это особая тема.

Примечания

1. Автор настоящей статьи поддерживает принципиально разработку данной теории, вместе с включением в научный оборот понятия «правообразующий интерес», трактуемый В.В. Лапаевой как «итог согласования различных социальных интересов таким образом, чтобы свобода в реализации интересов одних субъектов не ущемляла бы равной меры свободы других субъектов» [3, с. 164]. Отметим, однако, что это, так сказать, желаемый, но не всегда достижимый результат. Правообразующий интерес не всегда является результатом *согласования* волею формально равных субъектов. Об этом пишет и В.В. Лапаева, утверждая, «что принятие законодательных решений в пользу тех или иных групповых интересов не редкость в нашей законодательной практике» [3, с. 169]. Как будет показано ниже, аналогичная ситуация существует и в практике международного правотворчества, проявляясь через «*доминирующий* правообразующий интерес»

группы стран или даже одного субъекта, который становится основным источником новой нормы международного права.

2. Политика «двойного стандарта» (или «стандарта двух держав» – Two Power Standard) в окончательном варианте была сформулирована к концу XIX в. Суть её в том, что, как выразился Дж. Гамильтон, в то время первый лорд Адмиралтейства, военно-морской флот Её Величества должен быть как минимум равен совокупному флоту любых двух держав.

Список литературы

1. Венская конвенция о праве международных договоров 23 мая 1969 г. // Зимненко Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции: Справочное пособие. Приложение № 3. М.: Статут; РАП, 2005. С. 253–276.
2. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник. М.: Волтерс Клувер, 2007. 432 с.
3. Лапаева В.В. Социология права. Изд. 2-е. М.: Норма, 2008. 336 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 736 с.
5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.): Сборник документов. М., 1984. 654 с.
6. Хрестоматия по новейшей истории. Т. II. 1939–1945. Документы и материалы. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1960. 765 с.
7. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ.; Под ред. Френсиса Л. Лоуэнхейма и др. М.: ТЕРРА, 1995. 800 с.
8. Черчилль У. Мускулы мира. М.: ЭКСМО, 2008. 528 с.
9. Wotson Richard L. Jn. The Development of National Power. The United States, 1900–1919. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 364 p.
10. Гримм Э.Д. (сост.) Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Изд. Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 221 с.
11. История дипломатии. Т. III. М. – Л.: ОГИЗ, 1945. 883 с.
12. Денни Л. Америка завоевывает Британию. Рекорд экономической войны / Пер. с англ. с предисловием К. Радека. 3-е изд. М.: Соцэкгиз, 1931. 440 с.
13. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. / Под ред. проф. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Литиздат НКВД, 1926. VI. 463 с.
14. Ротштейн Ф.А. Предисловие // Германские репарации и доклад комитета экспертов (собрание документов). М. – Л.: Госиздат, 1925. 160 с.
15. Kirkendall Richard S. The United States 1929–1945. Years of Crisis and Change. N.-Y.: McGraw-Hill, Inc., 1974. X. 308 p.
16. Конституции буржуазных стран. Т. IV. Британская империя, доминионы, Индия, Филиппины. М. – Л.: Соцэкгиз, 1936. 372 с.
17. Новейшая история 1918–1939 гг.: Учебник. М.: Высшая школа, 1974. 640 с.
18. Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. М.: Госполитиздат, 1952. 671 с.
19. Davis R.M. Proposed New International Order. Morgantown, W. Va., 1942. 48 p.
20. Марченко М.Н. Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации // Государство и право. 2009. № 6. С. 5–11.

USA VS GREAT BRITAIN IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: DOMINANT LAW-FORMING INTEREST IN THE HISTORY OF INTERNATIONAL LAW

I.V. Budtsyn

The article examines the impact of business interests on the shaping of the US foreign-policy strategy («national interests») and its implementation in the context of the development of international law in the first half of the 20th century. The author maintains that American administration has followed the interests of financial-industrial elite in its foreign-policy strategy since financial oligarchy appeared. The process of transformation of international law is analyzed through the prism of «dominant law-forming interest» in the content of Anglo-American economic rivalry.

Keywords: financial oligarchy, dominant law-forming interest, source of law, history of international law, new international order.

References

1. Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodnyh dogovorov 23 maya 1969 g. // Zimnenko B.L. O primeneni norm mezhdunarodnogo prava sudami obshchej yurisdikcii: Spravochnoe posobie. Prilozhenie № 3. М.: Statut; RAP, 2005. S. 253–276.
2. Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast': Uchebnik. М.: Volters Kluver, 2007. 432 s.
3. Lapaeva V.V. Sociologiya prava. Izd. 2-e. М.: Norma, 2008. 336 s.
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. М.: EhKSMO-Press, 2002. 736 s.
5. Konferenciya Ob"edinennyh Nacij v San-Francisko (25 aprelya – 26 iyunya 1945 g.): Sbornik dokumentov. М., 1984. 654 s.
6. Hrestomatiya po novejshej istorii. Т. II. 1939–1945. Dokumenty i materialy. М.: Izd-vo soc.-ehk. lit., 1960. 765 s.
7. Sekretnaya perepiska Ruzvel'ta i Cherkhillya v period vojny / Per. s angl.; Pod red. Frensis L. Louehnejma i dr. М.: TERRA, 1995. 800 s.
8. Cherkhill' U. Muskuly mira. М.: EhKSMO, 2008. 528 s.
9. Wotson Richard L. Jn. The Development of National Power. The United States, 1900–1919. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 364 p.

10. Grimm Eh.D. (sost.) Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dal'nem Vostoke (1842–1925). M.: Izd. Instituta vosto-kovedeniya im. N.N. Narimanova, 1927. 221 s.
11. Istoriya diplomatii. T. III. M. – L.: OGIZ, 1945. 883 s.
12. Denni L. Amerika zavoevyvaet Britaniyu. Rekord ehkonomicheskoy vojny / Per. s angl. s predislo-viem K. Radeka. 3-e izd. M.: Socehgiz, 1931. 440 s.
13. Mezhdunarodnaya politika novejshego vremeni v dogovorah, notah i deklaracijah. Ch. 2. / Pod red. prof. Yu.V. Klyuchnikova i A. Sabanina. M.: Litizdat NKID, 1926. VI. 463 s.
14. Rotshtejn F.A. Predislovie // Germanske repara-cii i doklad komiteta ehkspertov (sobranie dokumentov). M. – L.: Gosizdat, 1925. 160 s.
15. Kirkendall Richard S. The United States 1929–1945. Years of Crisis and Change. N.-Y.: McGraw-Hill, Inc., 1974. X. 308 p.
16. Konstitucii burzhuaznyh stran. T. IV. Britanskaya imperiya, dominiony, Indiya, Filippiny. M. – L.: Socehgiz, 1936. 372 s.
17. Novejshaya istoriya 1918–1939 gg.: Uchebnik. M.: Vysshaya shkola, 1974. 640 s.
18. Avarin V.Ya. Bor'ba za Tihij okean. M.: Gospolizdat, 1952. 671 s.
19. Davis R.M. Proposed New International Order. Morgantown, W. Va., 1942. 48 p.
20. Marchenko M.N. Ob osnovnyh tendenciyah raz-vitiya prava v usloviyah globalizacii // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 6. S. 5–11.